

В.П.Желиховская

Сведения к биографии Елены Андр[еевны] Ган, Зенеиды Р-вой

Е.А.Ган, урожденная Фадеева, родилась в [18]14 году, 11 янв[аря], в местечке Ржищев Киевской губ[ернии]. Отец ее, Андрей Михайл[ович] Фадеев¹, с самых молодых, можно сказать отроческих лет уже числился на службе, состоя при своем отце, который управлял Огинским каналом в Минской губ[ернии]. Когда наступила война [18]12 года, они должны были по распоряжению начальства перебраться временно в Киевскую губ[ернию], и тут Ф[адеев] познакомился с княжной Еленой Павловной Долгорукой², *последней* представительницей старшей линии этого древнего рода. Князь Пав[ел] Васильевич³ со своей женой Генриеттой Адольфовной⁴, урожденной Бандре-дю-Плесси⁵, некоторое время жили розно; кроме того, они оба еще заранее обещались матери княгини, Елене Иван[овне] Бандре⁶, что они отдадут ей на воспитание свою старшую дочь, что и было ими исполнено. Вследствие этого Елена Павловна и жила в деревне возле местечка Ржищев. Бабушка ее (урожденная Бриземан фон Нет[т]иг) сама воспитывала страстно любимую внучку, но своим многосторонним развитием и любовью к серьезным занятиям княжна Д[олгорукая] была обязана близкому соседству и дружбе своей с графиней Дзялынской⁷, женщиной очень образованной. Андрею Мих[айловичу] Ф[адееву] был всего 21 г[од] и будущая жена его была тех же лет, когда, познакомившись ближе, они полюбили друг друга и решились обвенчаться вопреки желанию или, по кр[айней] мере, без особого одобрения родных, боявшихся за совершенный недостаток их средств. Князь Павел (по настоящему Иван, но с самого рождения его переименовали) Васильевич в то время уж не имел большого состояния; он жил в своем сильно разоренном имении (Пензенской губернии) и мало чем мог помочь своей дочери;

Публикуется по: НИОР РГБ, ф. 196, к. 25, ед. хр. 2.

Подготовка текста и комментарии А.Д.Тюрикова.

Рукопись подготовлена В.П.Желиховской по просьбе Е.С.Некрасовой в январе 1885 г. (см.: Письма В.П.Желиховской к Е.С.Некрасовой (1884–1887) // <https://art-roerich.org.ua/?q=blavatskaya/articles.html>; Некрасова Е.С. Елена Андреевна Ган (Зенеида Р-ва) // 1814–1842 // Русская старина, 1886, №8, 9).

Елена Андреевна Ган (1814–1842) – писательница, печаталась под псевдонимом «Зенеида Р-ва», мать Е.П.Блаватской и В.П.Желиховской.

Елена Петровна Блаватская (1831–1891) – мыслитель, философ, общественный деятель, создатель Международного Теософского общества.

Вера Петровна Желиховская (1835–1896) – писательница, драматург.

Екатерина Степановна Некрасова (1847–1905) – журналистка, историк литературы.

¹ Андрей Михайлович Фадеев (1789–1867) – государственный деятель, старший член Екатеринославской конторы иностранных поселенцев (Екатеринослав, 1818–1834), член Комитета иностранных поселенцев Южного края России (Одесса, 1834–1837), главный попечитель калмыцкого народа (Астрахань, 1837–1839), управляющий палатой государственных имуществ Саратова (1839–1841), гражданский губернатор Саратова (1841–1846), член Совета главного управления Закавказского края (Тифлис, с 1846 г.), управляющий экспедицией государственных имуществ при главном управлении Закавказского края (Тифлис, с 1850 г.), дед Е.П.Блаватской и В.П.Желиховской

² Елена Павловна Фадеева (урожд. Долгорукая, 1788–1860) – ученый-естествоиспытатель, жена А.М.Фадеева.

³ Павел Васильевич Долгоруков (1755–1837) – генерал-майор, прадед Е.П.Блаватской и В.П.Желиховской.

⁴ Генриетта Бандре дю Плесси (ок. 1767–1812) – жена П.В.Долгорукова.

⁵ А никак не *Монморанси* (?!), как ложно говорит Екат[ерина] Александр[овна] Хвостова* в своих записках. Хвостова и сестра ее Лизав[ета] А[лександровна] Ладыжевская** – двоюродные сестры моей матери, урожденные они Сушковы (по отцу своему, кузины также и граф[ини] Растопчиной***), а мать их тоже была ур[ожденная] княжна Настасья Павл[овна] Долгорукая**** – меньшая сестра бабушки моей Фадеевой. – *Примечание В.П.Желиховской.*

* Екатерина Александровна Хвостова (урожд. Сушкова, 1812–1868) – мемуаристка, двоюродная сестра Е.А.Ган.

** Елизавета Александровна Ладыженская (урожд. Сушкова, 1815–1883) – двоюродная сестра Е.А.Ган.

*** Евдокия Петровна Растопчина (1811–1858) – поэт, писательница, переводчица, драматург, двоюродная сестра Е.А.Ган.

**** Анастасия Павловна Сушкова (урожд. Долгорукова, 1789–1828) – переводчица, сестра Е.П.Фадеевой.

⁶ Елена Ивановна Бандре дю Плесси (урожд. Бриземан фон Неттиг) – жена генерал-поручика Адольфа Францевича Бандре дю Плесси (1729–1793), прапрабабушка Е.П.Блаватской и В.П.Желиховской.

⁷ Щенсна Дзялынская (1770–1831) – жена польского генерала Игнацы Дзялынского (1754–1797); с 1790 г. местечко Ржищев сделалось его вотчинной собственностью.

бабушка Ел[ены] Павл[овны], генеральша Бандре-дю-Плесси,⁸ проиграв, благодаря своей доверчивости, процесс, ее совершенно разоривший, была просто в крайности; что же касается до самого Андрея Мих[айловича] Ф[адеева], то, по собственному заявлению его, у него было ровно 100 р[ублей] ассигнациями в кармане, когда он женился⁹. Тем не менее, благодарение Богу, они жили счастливо и никогда нужды не терпели. Надо принимать в расчет дешевизну того времени¹⁰. Вскоре после окончания войны и женитьбы Фадеев получил место в Нижн[ем] Новгороде. В 1815 г., однако, он был переведен на гораздо лучшее место членом Конторы иностранных поселенцев в Екатеринослав. По дороге туда Фадеевы заезжали в Пензу к отцу Ел[ены] Павл[овны], кн[язю] Долгорукому, и к другим родным своим. Между прочим, к крестной матери Елены Павловны граф[ине] Анне Родионовне Чернышевой¹¹, в то время жившей уже вполне монашеской жизнью. Совсем больная, она целыми днями почти лежала на кожаном диване, высокая, прямая стенка которого вся была увешана иконами. Она сняла одну из них, небольшой образ Божией Матери со Спасителем, и благословила им «Лёничку Фадееву», как написано на обороте образа, хранящегося у меня и поныне.

А.М.Ф[адеев] весьма сошелся в Екатеринославе со своим начальником Контениусом¹² и прослужил с ним много лет. Там родились все его остальные дети: Екатерина¹³, Настасья (ум[ерла] в детстве), Ростислав¹⁴ и Надежда¹⁵; там прошло все детство и ранняя юность старшей дочери Елены; там же она и вышла замуж 16 л[ет] отроду за капитана конной артиллерии Петра Алексеевича Ган[а]¹⁶, с которым познакомилась на похоронах вышеназванного крестного отца своей сестры, Контениуса. В те времена, как известно, не было такой легкости, как ныне, делать портреты: изображения Елены Андреевны не осталось никакого (даже дагерротипы явились чрез два-три года после смерти ее). Но все, знавшие ее, согласно показывают, что она была очень красива – красотой оживленной, осмысленной; прекрасно сложена и не без права считалась самой хорошенькой девушкой в Екатеринославе. Волосы у нее были каштановые; слегка орлиный с маленьким горбиком нос; прелестно очерченные губы и темные брови. Но что всего было обворожительнее в лице ее – это прекрасные, живые карие глаза и подвижность тонких черт лица, в особенности, улыбки, доброй, подчас насмешливой, всегда выразительной. Живость ее ума, ее поэтического воображения сказывалась с детства. Остроумная, веселая, она очаровывала всех своей безыскусственной, самобытной прелестью и блестящими дарованиями. Талантов было у нее много! Она хорошо рисовала, прекрасно знала музыку, играла на фортепьяно и арфе и пела так, что ее заслушивались многие знатоки. Любимое препровождение времени ее подруг было слушать импровизации Ел[ены] Андр[еевны], когда она, бывало, становилась среди их и наподобие древнего барда или новейшего импровизатора принималась декламировать. Она сплеча рассказывала им легенду, или поэтическую повесть, или юмористическую сценку с натуры, смотря по вдохновению минуты. Много раз ее прочили записывать эти прелестные импровизации, но она, смеясь, отказывалась, уверяя, что [в] жизни не станет описывать «весь вздор», которым переполнено ее воображение...

⁸ Далее зачеркнуто: раз.

⁹ В 1813 году.

¹⁰ Далее зачеркнуто: когда.

¹¹ Анна Родионовна Чернышева (1744–1830) – жена генерал-фельдмаршала З.Г.Чернышева.

¹² Самуил Христианович Контениус (1748–1830) – государственный деятель, советник Географического департамента (1797–1800), главный судья Конторы опекунов новороссийских иностранных поселенцев (1800–1818), экстраординарный член Попечительного комитета о колонистах Южного края России (1819–1829).

¹³ Екатерина Андреевна Витте (1819–1898) – сестра Е.А.Ган, тетья Е.П.Блаватской и В.П.Желиховской.

¹⁴ Ростислав Андреевич Фадеев (1824–1883) – генерал-майор, военный историк, публицист, дядя Е.П.Блаватской и В.П.Желиховской.

¹⁵ Надежда Андреевна Фадеева (1829–1919) – тетья Е.П.Блаватской и В.П.Желиховской.

¹⁶ В окончательном решении матери моей выйти за отца * играло роль отчасти суеверие. Она еще не знала его, когда ей постоянно предсказывали, что имя мужа ее будет *Петр*. В последние святки ей *три* раза к ряду назвали это имя. – *Примечание В.П.Желиховской.*

* Петр Алексеевич Ган (1798–1873) – офицер кавалерийской артиллерии, полковник в отставке (1845), управляющий Каменец-Подольской земской конюшней (1846–1848), Гродненский губернский почтмейстер (1851–1858), муж Е.А.Ган, отец Е.П.Блаватской и В.П.Желиховской.

Она, без сомнения, могла бы сделать гораздо более блестящую партию, если б жила не в захолустье и не обвенчалась, едва выйдя из детства¹⁷. Впрочем, П.А.Ган был человек бесспорно умный, очень образованный, видный и даже красивый¹⁸. Он был прекрасно воспитанный, начитанный человек и остроумный рассказчик; все это так, – но они не были созданы друг для друга, и хотя П[етр] Ал[ек]сеич всю жизнь горячо любил свою жену, но не во всем был способен понимать ее и всегда вполне оценить. Прежде всего, он, женись на ней (в [18]30 г.), был почти вдвое старше ее: ему был 31 год. Но и не в летах была главная беда... Ел[ена] Андр[еевна] по силе души своей, по высоким стремлениям ума и по тонкости впечатлений своей в высшей степени деликатной, восприимчивой натуры не могла быть совершенно счастлива с человеком, хотя честным и добрым, но слишком положительным и расчетливым, преданным лишь практическому всему, земному... Он был для нее слишком от мира сего, слишком прозаичен, и она с ним не могла делить не только вдохновений своих, но и на чувства свои и мысли не находила в нем ответа... Она утешалась и отдыхала духом, когда приезжала гостить к родным¹⁹.

Надо сказать, что Е[лена] А[ндреевна] не знала других учителей кроме своей матери. Ел[ена] Павл[овна] Фадеева была женщина из ряда вон по многим свойствам души и ума своего. Она была не только многосторонне образованной, но и серьезно ученой женщиной. Она основательно знала многие науки и поныне малодоступные женщинам. Она говорила на 5 языках, не считая знания древних; она прекрасно рисовала, знала музыку, множество всевозможных работ и кроме того была прекраснейшей *хозяйкой*, на практике, как и в теории. Науки, как и рукоделия, дались ей в совершенстве самые разнообразные и редкие. Она шила, вязала, плела кружева, делала искусственные цветы, вышивала шелками, бисером и золотом, прекрасно переплетала книги, набивала птиц и зверей для своих богатых зоологических коллекций, одним словом, была *вполне необыкновенной*, удивительной женщиной!.. Тем более удивительной, что она, казалось, одна не изумлялась своим дарованиям и знаниям. Она до того беспритязательно себя держала, что

¹⁷ Едва обвенчавшись, Е[лена] А[ндреевна] осталась одна: муж ее должен был идти на войну, в польскую кампанию*, так что она целый год жила одна у родителей своих в Екатеринославе, где родилась и старшая дочь ее, Елена (Блаватская, в литературе *Рада-Бай*). – *Примечание В.П.Желиховской*.

* Польское восстание 1830–1831 гг. против власти Российской империи на территории Царства Польского, Северо-Западного края и Правобережной Украины.

¹⁸ Отец его был заслуженный генерал*, а мать – урожд[енная] граф[иня] Прёбстинг, по второму браку Васильчикова**. Петр Алексеевич воспитывался в Пажеском корпусе. – *Примечание В.П.Желиховской*.

* Алексей Федорович Ган (?–1814) – генерал-майор (1799), комендант Каменец-Подольской крепости (1801–1814), отец П.А.Гана.

** Елизавета Максимовна Ган (урожд. фон Прёбстинг) – жена А.Ф.Гана, во втором браке с генерал-майором Н.В.Васильчиковым (1781–1849).

¹⁹ См.: «...Между мною и моими родными, за которых я рада бы душу отдать, вкралась холодность, убийственная для меня! Иногда я раскаиваюсь, зачем ездила нынешним летом на Кавказ – потому что там зародилось семя этого зла, – но нет, не раскаиваюсь! Не спрашивай меня, что посеяло эту холодность, ты знаешь несчастный характер маменьки и непреклонную жесткость сестры*, – au reste je ne leur impute pas tout le poid de ce malheur, il y avait beaucoup de ma faute là dedans, mais je ne pouvais faire autrement**. Я верю, что в жизни всякого есть роковая пора, когда судьба прочитывает решительный приговор всей остальной его жизни; это 14^й день горячки, свое домашнее Ватерлоо. Эта пора настала для меня нынешним летом и оставила по себе отдельную полосу в моем существовании. Je n'ose me plaindre ni des reproches de ma mère ni de la froideur de ma sœur, son caractère est noble et bon, elle vaut mieux que moi, je le sais et je dévore mon chagrin en silence, – à quoi servirait me justifier? On peut tout réparer, mais les petites froideurs, les rancunes cachées, germent et ne se laissent déraciner pas aucune force humaine***. Ты знаешь, что прежде, утомленная моим существованием, неприязненностью окружающих меня особ и леденистой сферой моего быта, я летела к ним, отогревалась у них, – теперь и там погасла для меня искра приязни; что связь родства без связи душ? Это долг, цепи, – и так, я в полном смысле теперь бесприютная; завидую тебе, как ты мало заботиш[ь]ся о своих родных, мое сиротство гнетет меня невыразимо, не знаю, свыкнусь ли с ним когда!» (Письмо Е.А.Ган к Наталье П. от 10 января 1839 года // <https://art-roerich.org.ua/?q=blavatskaya/articles.html>).

* Е.А.Витте.

** впрочем, я не обвиняю их всецело в этом несчастье, – много виновата здесь я сама, но я не могла поступать иначе (*фр.*).

*** Я не смею роптать ни на упреки моей матери, ни на холодность сестры; у нее благородный и добрый характер, она лучше меня, я это знаю и молча несу мою печаль. Что пользы оправдываться? Все можно исправить, но мелочная холодность, скрытое неудовольствие дают ростки и не могут быть искоренены никакой человеческой силой (*фр.*).

простые люди знали ее по годам за прекраснейшие мать семейства и образцовую хозяйку, но не имели и подозрения, что она вместе с тем и живописец, и зоолог, и историк, и географ, и нумизмат, и ботаник и что состоит в переписке с учеными людьми своего времени.

В свою очередь люди науки, имевшие с ней переписку и ученые сношения, не поверили бы вероятно, если бы им сказать, что покойная Елена Павловна Фадеева не только исписала и изрисовала десятки томов²⁰ научных сочинений, не только собрала замечательные коллекции по зоологии, ботанике, археологии и нумизматике, но также сама выкормила и выходила своих пятерых детей, одна учила всех дочерей своих, а многому и внучек; что основательно выучила поваренному, кондитерскому, пекарному и вообще хозяйственному делу нескольких поваров и ключниц и, наконец, нашла, и навязала, и навывшивала в своей деятельной, многосторонне-полезной жизни такое множество работ, что вряд ли бы они уместились в ее кабинете редкостей, которым приезжали любоваться и поучаться многие ученые издалека.

О нравственных достоинствах этой необыкновенной женщины не буду много распространяться; о доброте ее можно только сказать тоже и, пожалуй, больше, чем об уме и познаниях, – а это очень много!

Вот такая-то женщина, такой светлый ум и материнское сердце возрастили и сформировали сердце, ум и высокий талант Елены Андреевны.

С самых юных, можно сказать, детских лет в ней уже сказывалось творчество. Она переписывала целые тома чужих творений, то и дело увлекалась и тут же на отдельных листках набрасывала то картинку, то мысль, блиставшие ее воображению. Первый самобытный труд ее был рассказ «Идеал», но он появился позже в печати. Вероятно, неуверенность в своем таланте не допускала ее выступить в литературный свет с оригинальным произведением. Для начала она перевела в сокращении прелестный роман Бульвера²¹ «Годольфин», который появился в [18]36 г. в «Библиотеке для чтения» под заглавием: «Любовь и честолюбие»²². Перевод этот обратил внимание О.М.Сенковского²³, который стал советовать Ел[ене] Андр[еевне] писать самобытно²⁴. В [18]37 г. появился «Идеал», а за ним и другие повести Зенеиды Р-вой.

До это времени Ел[ена] Андр[еевна] жила со своим мужем почти безвыездно в захолустьях, где стояла его батарея. У нее уже было трое детей, но в живых оставались лишь дочери Елена 7 л[ет] и Вера 2^х. Сын же ее Александр умер по 3^{му} году в местечке Романьково²⁵ Екатеринославской губернии. Очень тяжелое время пережила тогда Ел[ена] А[ндреевна]! Ребенок болел недолго, но она была совсем одна. Это было в самую распутицу, ранней весной, когда снег далеко не стаял; в самую минуту смерти его случилась странная, в особенности в эту пору года вещь. В последний час ребенок стал тяжело дышать; в комнате было очень душно, и кто-то посоветовал открыть форточку, уверяя, что ему легче будет дышать. Вся в слезах, потеряв голову от горя, молодая мать бросилась к окну и, едва отворила форточку, в нее влетела белая бабочка. Трепеща крылышками, покрутилась она над колыбелью ребенка и села у изголовья его, на полог. Словно почуввав чье-либо прикосновение, младенец вдруг открыл глаза, вскинул взгляд на бабочку и, вздохнув глубоко, тотчас же закрыл их и замер... А белая бабочка будто только и ждала последнего его вдоха: встрепенулась и вылетела в окно!.. Это странное появление бабочки зимою, этот спокойный взор, брошенный на нее в минуту смерти ее ребенком, остались надолго памятны Ел[ене] Андр[еевне]. Они глубоко поразили и суеверие, и поэтическое чувство ее. Долго

²⁰ Когда в старости паралич разбил Е[лене] Павл[овне] правую руку, она выучилась не только писать, но и *рисовать* левой рукой так превосходно, что никто верить не может, глядя на последние два тома ее рисунков (оранжерей и цветов), что они нарисованы левой рукой. – *Примечание В.П.Желиховской.*

²¹ Эдуард Бульвер-Литтон (1803–1873) – английский писатель и политический деятель.

²² В журнале «Библиотека для чтения» за 1836–1837 гг. перевода под таким названием нет, а были помещены переводы из произведений Э.Бульвер-Литтона под названием «Свет, как он есть» (из сборника рассказов «Студент», 1835) и «Последний день Помпеи» (из романа «Последние дни Помпеи», 1834).

²³ Осип Иванович Сенковский (1800–1858) – писатель, востоковед, редактор, основатель и издатель журнала «Библиотека для чтения».

²⁴ См.: В защиту Е.А.Ган. Письма Н.А.Фадеевой, В.П.Желиховской и др. по поводу статьи А.В.Старчевского «Роман одной забытой романистки» (1886) // <https://art-roerich.org.ua/?q=blavatskaya/articles.html>; *Фадеева Н.А.* Елена Андр[еевна] Ган и Осип Ив[анович] Сенковский в 1836–1838 гг. // Русская старина, 1890, №4.

²⁵ Романково.

спустя она писала своим: «Не могу забыть своего бедного мальчика и ту белую бабочку, влетевшую к нему в колыбель будто бы нарочно затем, чтоб унести на своих серебристых крыльях душу его на небо!..»

В конце следующего [18]36 г. П.А.Ган[у] пришлось побывать по делам в П[ете]рб[у]рге. Е[лена] А[ндреевна] воспользовалась этой поездкой, чтоб устроить свои литературные дела. Едва ли эти несколько месяцев, проведенные в столице в кругу многих родных и знакомых не были самыми приятным временем в недолгой жизни ее! Отец ее тоже собирался туда приехать (из Астрахани, куда он был переведен после кратковременной службы в Одессе) и Е[лена] А[ндреевна] надеялась, что с ним приедет и сестра, с которой, несмотря на разницу лет, она очень была дружна. В последней надежде она, впрочем, ошиблась, но зато познакомилась в П[ете]рб[у]рге со многими своими родственниками, с некоторыми даже сошлась дружески и составила много полезных знакомств, как, напр[имер], с Сенковскими²⁶, в доме которых узнала множество литературных знаменитостей того времени. У П[етра] Ал[ексеевича] Ган[а] было огромное родство, но Е[лена] А[ндреевна], хотя ей случалось гостить и у Елиз[аветы] Максим[овны] Васильчиковой, матери своего мужа, и у дочерей ее (Анны Алексеевны Разальон-Сошальской²⁷, Елиз[аветы] Ал[ексеевны] Марковой²⁸ – матери писателей Владислава и Евгения Львов[ичей] Марковых²⁹ и Амальи, в православии Марьи Ал[ексеевны] Каленской), но особенно ни с кем [из] сестер или братьев мужа дружна не была. Больше всех она сошлась с меньшим братом Иваном Ал[ексеевичем] Ган[ом]³⁰, которого узнала в П[ете]рб[у]рге. Сенковский первый поощрил Ел[ену] Анд[реевну] писать и верить в свой талант; он выказывал ей величайшую дружбу и величайший восторг пред ее произведениями, но тем не менее ей пришлось терпеть много неудовольствий из-за бесцеремонности, с которой он обходился с ее сочинениями. Он не только портил слог ее, желая, разумеется, его *исправить*, но приделывал самовольно заключения к повестям ее, заключения, которые совершенно расходились с ее манерой писать и портили общий смысл и впечатление. Так он без ведома ее и согласия приделал весьма не поэтический конец к ее «Утбалле», в котором Борис является каким-то отжившим бульварным фланером в коричневом пальто... В отдельном издании ее сочинений³¹ все его вставки, разумеется, уничтожены, но в свое время, появляясь в журнале Сенковского, они портили их и очень, понятно, огорчали Е[лену] А[ндреевну] и раздражали ее, так что она последние свои повести уж не отдала в «Библиотеку», а в «Отечествен[ные] записки», получив одновременно предложение Краевского³² и издателя журн[ала] «Москвитянин»³³.

Из П[ете]рб[у]рга муж ее вернулся в Малороссию к³⁴ батарею, которой командовал, а Ел[ена] Анд[реевна] с детьми отправилась вместе с отцом своим в Астрахань (где Фадеев служил главным попечителем на[д] кочующими народами). Оттуда они уже всей семьей Фадеевых отправились на пятигорские воды, на курс. В те времена бездорожиц и путешествий на долгих такая дорога стоила нынешней экспедиции в Центральную Африку. В нем Е[лена] А[ндреевна] набралась многих впечатлений и новых образов. Им в продолжение пути часто приходилось ночевать в разных калмыцких и киргизских кочевьях, в улусах; обедать и отдыхать в кибитках различных князей Тюменей³⁵ и других полудикарей; совершать утомительные переезды по степям на верблюдах.

²⁶ Аделаида Александровна Сенковская (1806–1853) – писательница, жена О.И.Сенковского.

²⁷ Анна Алексеевна Розалион-Сошальская – жена генерал-майора Александра Григорьевича Розалион-Сошальского (1797–1873).

²⁸ Жена курского дворянина Льва Александровича Маркова (1799–1869).

²⁹ Владислав Львович Марков (1832–1914) – писатель и историк.

Евгений Львович Марков (1835–1903) – писатель-путешественник, литературный критик, этнограф, директор училищ Таврической губернии.

³⁰ Иван Алексеевич Ган (1810–1889) – штабс-ротмистр (в отставке с 1842 г.), председатель Саратовской казенной палаты (1854–1863).

³¹ Сочинения Зенеиды Р-вой. В 4 т. СПб., 1843.

³² Андрей Александрович Краевский (1810–1889) – журналист, педагог, редактор-издатель журнала «Отечественные записки» и газеты «Голос».

³³ Михаил Петрович Погодин (1800–1875) – историк, коллекционер, писатель, журналист, публицист, издатель.

³⁴ Далее зачеркнуто: своей.

³⁵ Серебджа́б (Сереб-Джап) Тюме́нь (1774–1858) – калмыцкий князь, нойон Хошеутовского улуса, основатель Хошеутовского хурула, командир Второго Астраханского калмыцкого полка, участник Отечественной войны 1812 г.

Плодом этого путешествия явилась прелестная повесть «Утбалла»; лето же на Кавказских водах породило «Медальон» и «Воспоминания Железноводска». В впечатлительном уме и отзывчивой душе Еле[ны] Андр[еевны] ничто не проходило бесследно. Так ее путешествие еще девушкой с отцом и матерью в Крым отразилось в ее «Джеллаледине» и отчасти в последнем произведении ее, не оконченном за смертью, – в «Напрасном даре», а жизнь в Одессе в ее «Номерован[ной] ложе»³⁶ и в «Геофании Аббияджио»³⁷. Даже монотонное, давившее своей грубостью и бессодержательностью существование в тех местечках и деревнях, где ей приходилось прозябать по службе мужа, та темная среда, разговоры и пересуды окружавшего ее полуграмотного общества и они нашли верное, юмористически-печальное отражение в начале ее «Суд[а] света». Сколько печали невольно высказалась в тех страницах, где она описывает свое отчуждение от окружавшего ее общества, несправедливость к ней людей, которые не могли понять ее! Но каковы бы они ни были, ее молодость, ее общительный характер требовали общения с людьми, и она умела во всякой среде разыскать исключения. Так в ее одинокой жизни того времени большим утешением служила ей страстная привязанность к ней молодой девушки, Антонии Христиановны Кюльвейн (смотри[те] «Рассказы моим детям»³⁸), сироты много натерпевшийся на свете, а с последнего гувернантского места Антония просто убежала от страшных обид и со слезами просила Елену Андреевну позволить ей жить с нею. Она принесла ей и ее детям (мне в особенности) громадную пользу и никогда ничего не хотела получать за свои труды, кроме ласки и дружбы ее. И после смерти Елены Андр[еевны] она исполнила данное ей обещание: она не оставила детей ее до самой смерти своей (1850 г.), живя у родных ее, Фадеевых (взявших на свое попечение всех троих сирот своей умершей дочери), также безвозмездно, как жила у нее самой. Она, напротив, отказывала себе во всем, чтоб быть в состоянии доставлять удовольствия детям так горячо любимой ею женщины из тех малых средств, которые имела от правительства и зарабатывала уроками другим посторонним детям³⁹.

Я уже говорила, что лучшим временем в своей жизни Е[лена] А[ндреевна] считала то, которое проводила со своими родителями и сестрами. Они и сами только и думали о свиданиях с нею. Так еще в [18]35 г. они вместе прожили некоторое время в Одессе (до переезда Фад[еевых] в Астрахань). Одессу Е[лена] А[ндреевна] очень любила и много светлых минут и светлых образов почерпнула из своих временных пребываний на берегу Черного моря, где суждено было ей и успокоиться навеки... В [18]35 г. у нее там родилась дочь Вера, а в [18]39 она снова провела там несколько месяцев, уже лечась от томившего ее никем не разгаданного, но сложившего ее три годя спустя в могилу недуга. Чрезвычайно интересны письма ее к родителям этого времени⁴⁰; там она познакомилась с поэтом Бенедиктовым⁴¹, который был в восторге от ее произведений и ее самой и посвятил ей прелестные стихи (еще не бывшие в печати), которые сам написал на заглавном листке подаренного ей тома стихов своих⁴². В [18]37 г., как уже сказано, она ездила с родителями в Пятигорск; в [18]40^м же году после не особенно успешного лечения в Одессе Ел[ена] Андр[еевна] поехала к ним снова на зиму, уже в Саратов, где отец ее был в то время губернатором. Там в июне [18]40 г. родился меньшой сын ее Леонид⁴³. Она с детьми возвратилась к мужу только весной [18]41 года, но в следующем же году в феврале месяце, проведя очень тяжелые осень и зиму в местечке⁴⁴ <...> (<...> – Полтавск[ой] или Харьковск[ой] губ[ернии]), снова поехала с

³⁶ «Нумерованная ложа».

³⁷ «Геофания Аббияджио».

³⁸ См. книгу В.П.Желиховской «Мое отрочество. Из детских воспоминаний».

³⁹ См. об Антонии Христиановне Кюльвейн в очерке В.П.Желиховской «Елена Андреевна Ган, писательница-романистка в 1835–1842 гг.» (Русская старина, 1887, №3).

⁴⁰ Найдете в посылаемых письмах два или три. – *Примечание В.П.Желиховской.*

⁴¹ Владимир Григорьевич Бенедиктов (1807–1873) – поэт и переводчик.

⁴² Найдете в письмах, написанных рукой моей матери. – *Примечание В.П.Желиховской.*

⁴³ Леонид Петрович Ган (1840–1885) – мировой судья 2-го участка Ставропольского уезда (1869–1876), присяжный поверенный округа Тифлисской судебной палаты в Ставрополе (1881–1883), присяжный поверенный Тифлисского окружного судьи (1884–1885), брат Е.П.Блаватской и В.П.Желиховской

⁴⁴ Все это описано в моей рукописи «Рассказы моим детям о том, как мама была маленькой»*. – *Примечание В.П.Желиховской.*

* См. книгу В.П.Желиховской «Как я была маленькой».

детьми⁴⁵, Антонией Христ[ияновной] и доктором Бензенгр[ом]⁴⁶ лечиться в Одессу. Она была уж настолько серьезно больна, что муж побоялся отпустить ее одну в путь; сам он не мог ехать, а потому дал отпуск своему батарейному доктору Вас[илию] Никол[аевичу] Бензенгр[у], прося его сопутствовать семье в Одессу. Он оставался в Одессе до весны. Но, несмотря на искреннее желание его помочь Ел[ене] Андр[еевне] и на старания одесских докторов, в том числе и славившегося в то время своим искусством докт[ора] Гено, ей все становилось хуже. В то время в медицине господствовала ложная система кровопусканий; Е[лене] Андр[еевне] очень часто в последние месяцы пускали кровь. Быть может, как и говорили впоследствии, это повредило ей, отняв у нее последние силы. У нее беспрестанно делались обмороки; она боялась не дожидаться своих родных, которые должны были приехать в мае и тоскливо, страстно ожидала свидания с матерью. Ей казалось, что если она доживет до⁴⁷ ее приезда, то ей станет лучше!

В первое время свидания с отцовской семьей оно так и случилось, но ненадолго!.. В ожидании прибытия семьи (частью из Саратова, а отца своего из П[ете]рб[у]рга, где Андр[ей] Михайл[ович] был по служебным делам своим) Ел[ена] Андр[еевна] не была совсем одинока. У нее в Одессе было много добрых знакомых, которые навещали ее и горевали искренно о непонятной, уносившей ее болезни. Ближе всех ей была семья Шемиот[ов]; братья и три девушки, сестры, из которых Ел[ена] Андр[еевна] была в особенности дружна с меньшей Евгенией. Это была старинная еще семейная дружба, продолжавшаяся потом и между сестрами Mme Hahn⁴⁸, Екат[ериной] Анд[реевной] Витте и Над[еждой] А[ндреевной] Фадеевой, до старости и смерти последней из сестер Шемиот. Хотя надежда порой и воскресала в сердце Елены Андр[еевны] на выздоровление и жизнь, но тем не менее она написала предсмертное письмо своим родителям, в котором высказывалась и благодарность им, и надежда на то, что они не оставят детей ее, и взгляды ее на характер и будущее воспитание дочерей (взгляды, доказывавшие, как много она думала о них и как верно понимала натуры их и ясно видела будущее!), и, наконец, глубокая покорность ее воле провидения, уверенность в разумной благодати Божьего промысла. Это письмо было последним и лучшим отражением светлого ума и прекрасной души Ел[ены] А[ндреевны]. Оно глубоко потрясло души всех его читавших и запечатлелось навеки в памяти всех ей близких.

7 мая дождалась бедная больная приезда своих и протянула еще полтора месяца между лучшим и худшим. Она то возбуждала надежды любивших ее своим спокойствием, порой даже веселостью, то всех повергала в безысходное горе. Еще дней за пять до конца ей стало настолько лучше, что она выходила в гостиную к навещавшим ее друзьям. Пользуясь этим улучшением, которое считали началом выздоровления, отец и мать ее решились съездить в свое подгородное имение. Как были они поражены, когда вернувшись дня через два, услышали, что ей снова хуже! В отсутствие их у Ел[ены] А[ндреевны] был сильный обморок, после которого она окончательно слегла. Но в памяти она была полной почти до самой кончины, забылась не более как за час до смерти. Это было в 5 ч[асов] веч[ера] 24 июня 1842 г. Сестра ее (К[атерина] А[ндреевна] Витте) с старшей дочерью⁴⁹ собирались идти ко всеобщей, когда их остановили вестью, что ей очень дурно. К 6 часам она скончалась на руках своей матери от неопределенной болезни, которую, впрочем, большинство докторов считали расстройством сердца. Несмотря на продолжительные страдания, Е[лена] А[ндреевна] не казалась истощенной болезнью и в гробу даже поражала своим видом: казалось, что она умерла скоропостижно, до того болезнь мало изменила ее красивое лицо. Даже гипсовая маска, снятая с нее, не похожа на снимок с мертвой.

Памятник ее стоит у самого входа на одесское кладбище, несколько влево в переднем ряду. Он изображает белую мраморную (ныне позеленевшую от времени) колонну с урной наверху. На колонне написано:

«Елена Андреевна Ган. Родилась 11 янв[аря] 1814 г. Скончалась 24 июня 1842».

А вверху, кругом урны, собственные слова ее в романе «Напрасный дар»:

«Сила души – убила жизнь!»

⁴⁵ Далее зачеркнуто: и.

⁴⁶ Василий Николаевич Бензенгр (1815–1891) – врач и антрополог.

⁴⁷ Далее зачеркнуто: свида.

⁴⁸ мадам Ган (*фр.*).

⁴⁹ Речь идет о Елене, старшей дочери Е.А.Ган.

А с другой стороны:

«Она превращала в песни слезы и вздохи свои»...

Если Зенеиду Р-ву после 4^х или 5^и летней литературной деятельности ее уже называли «русской Жорж Занд», каково было бы теперь ее значение, если б Бог дал ей жизни?..

Несколько повестей ее переведены на фр[анцузский] и немецкий языки. «Утбалла» прекрасно переведена в «Novellen Schatz des Auslandes», Munchen, III⁵⁰. «Любинька», не знаю кем переложенная в драматическую пьесу, одно время была на сцене.

Вот все, что я могла собрать сведений из жизни матери моей, многоуважаемая Екатерина Степановна. Посылаю Вам, кроме того, 12 писем ее, которые прошу *возвратить мне в целости* немедленно по прочтении; 3 брошюры посылаю Вам «в вечное и потомственное владение» – у меня есть другие (о бабушке, деде и дяди Фадеевых). Но прилагаемые записки моего детства, рукопись: «Как мама была маленькой», покорнейше прошу также *вернуть в целости...* Если только Вы не найдете возможности продать ее издателям детских книг, или отдать в печать в московск[ие] детские журналы, за что я была бы *чрезвычайно* благодарна⁵¹.

За предложение касательно переписки бабушки благодарю, но я не имею никаких прав на нее: все подобные семейные бумаги находятся у теток моих и они не желают предавать их гласности. Насилу выпросила для Вас прилагаемые письма матери, которые еще раз прошу вернуть.

Готовая к услугам

Вера Желиховская.

⁵⁰ «Сокровищница рассказов иностранных писателей» (т. III, Мюнхен, 1859).

⁵¹ «Детский отдых» не возьмет: кажется, с ними за меня уже вели разговоры. – *Примечание В.П.Желиховской.*